

Олег Лазаренко. Портрет Александра Глезера. 1999 г.

Екатерина Варкан

МУЗЕЙ современного русского искусства в Джерси-Сити (под Нью-Йорком) отметил свое 20-летие. В мире не так много подобных музеев. В этом убежден его директор и владелец собрания Александр Глезер. Он хочет, чтобы и в Москве появился подобный музей.

— Что же на сегодняшний день можно считать современным искусством?

— В Ницце существует сравнительно молодой Музей модерна, которым французы называют искусство 20-х годов и то, что было до войны. А все послевоенное — уже искусство современное. У нас же в России модерном можно назвать 60–70-е годы, а соответственно с конца 80-х и по сей день — искусство современное. Но и тут много нюансов.

Сейчас в Москве в РГГУ открылся Музей «Другое искусство». В его основе экспозиция из собрания известного коллекционера Леонида Талочкина. На мой взгляд, этот музей можно определить не как музей современного искусства, а как музей неофициального искусства. И Музей Церетели тоже имеет излишнюю претензию. Представьте, висит там, например, большой Плавинский и такой маленький черно-белый Гоген. Хочется выпить водки, когда все это видишь.

— Ну и в чем специфика вашего музея?

— Он открылся в 1980 году (это была шестая годовщина «бульдозерной выставки»), и деятельность его за 20 лет можно разделить на два этапа. Сначала там были только неофициальные художники, и тогда задача была организовать как можно больше выставок, представить художников шире и сделать их известными, защитив таким образом от жестких преследований. В те годы прошел 161 вернисаж в Западной Германии, Италии, Японии, Канаде, США, словом, кроме Антарктиды и Австралии — везде.

Когда я вернулся в Россию в 1991 году, стал делать выставки из своей коллекции в Москве, Петербурге, Владивостоке, Хабаровске, Нижнем Новгороде, Харькове. И везде ко мне подходили молодые художники и жаловались на свою судьбу. «Вас, — говорили они, — конечно, давили бульдозерами, но вы стали известными, а на нас всем плевать». И вот с 1993 года я начал выставлять молодых, которых называю «детьми перестройки», потому что они заявили о себе в конце 80-х — начале 90-х. Это второй этап.

— И они, я так понимаю, теперь активно ездят выставляться в Америку и Европу?

— Уже 23 человека участвовали в наших художественных

смену аналитике приходит синтез — собирание. Все те, кто сегодня имеют успех, в последние годы занимаются именно синтезом, то есть сопрягают в своем творчестве разные направления развития живописного искусства. У Марии Владимировой соединен фантастический и мистический реализм. У Бориса Иванова фантастический реализм сочетается с сюрреализмом. Вячеслав Головченко объединяет супрематизм и фигуративное начало. И это не случайность. Кстати, Михаил Шемякин и группа «Петербург», в которой он участвовал, еще в середине 60-х занимались метафизическим синтезмом и экспериментировали именно в этом направлении.

— Вы и в России занимаетесь сейчас просветительской работой. Много выставок в рамках деятельности музея проходит в Москве и в провинции?

— Не только в России, но и в ближнем зарубежье, на Украине в частности. Владивосток и

пивницкая. Тогда было опасно: преследовали, давили бульдозерами. А сейчас — свобода, и нельзя уже объять необъятное, хотя пытаемся. В этом году, например, мы открыли девушку из Екатеринбурга — ее зовут Алена Азерная, и работает она в стилистике фантастического реализма и русской народной игрушки. Вот куда дело зашло!

— Зашло далеко, но пора бы вернуться к истории. Основу вашей коллекции в свое время составили работы художников — участников знаменитой «бульдозерной выставки»...

— Конкретно тех картин в моей коллекции нет. Три работы тогда были сожжены на костре. Несколько искалечил бульдозер, они были раздавлены и облиты водой. Словом, не осталось ни одной «живой».

А свою коллекцию я собирал с 1967 года, и она стала основой домашнего Музея неофициального (тогда) искусства в Москве, на Преображенке. Потом все собрание уехало на Запад. В нем были работы Рабина, Немухина, Комара и Меламиды. Сейчас коллекция частично вернулась обратно в Россию. И вообще ее можно назвать кочующей.

Когда я вернулся в 1991 году, была мечта издать книгу «Современное русское искусство». И она издана. Сейчас такое же издание готовится к современной художественной молодежи — «детях перестройки».

Среди художников, с которыми я работаю, есть армяне и грузины. Но они считают, что они следуют русской живописной традиции. Они учились здесь и работают. И это мой принцип. Все остальные художественные школы бывают в гостях у русского музея.

— Как прошел сам праздник 20-летия Музея современного русского искусства?

— В Нью-Йорке мы организовали выставку, в которой приняли участие 147 художников — все, кто выставлялись за 20 лет,

пад ушло более 30 тысяч русских картин, и именно сейчас мы выпускаем целую эпоху. Не секрет, что почти все русские классики сегодня живут на Западе, большинство — с российскими паспортами. Их нельзя упрекать, у них там работа, свои галереисты и свои поклонники. Это Эдуард Штейнберг, Эрик Булатов, Олег Васильев, Владимир Янкилевский, Владимир Немухин, Вячеслав Калинин. И ерунда, что на Западе упал интерес к нашему искусству. Картины их очень дороги.

— Почему такой успех? Что они там на Западе находят в нашем искусстве?

— Качество и индивидуальность. В Америке считают, что у них — декаданс. Они ждут нового века. Думают, что будет взрыв.

— А взрыв пока у нас.

— Свобода и легкость появились, как ни странно, в процессе политических пертурбаций. Вообще мало кому удается сопротивляться рынку. Так было, во всяком случае, в эмиграции. Наши же сумели сохранить свое лицо. Интересно, что наши соотечественники — там сегодня лучшие преподаватели, потому что там утеряна школа. Остался один поп. Ведь даже наш абстракционизм сильно отличается от их. Мы отталкиваемся от предмета, но одушевляем его. Это вообще русское отношение к творчеству. Подчеркну, что сейчас нет бума, который был в горбачевскую эпоху. А есть устойчивый интерес к современному русскому искусству.

— И вот сейчас идут переговоры об организации Музея современного русского искусства в Москве?

— Впервые мы, может быть, приблизились к финалу. Мне хочется в это верить. Наши новые компаньоны — «Некоммерческое партнерство — III тысячелетие».

— В вашем собрании около 500 полотен. Они и будут основой московской музейной коллекции?

— Основой они, может, и будут, но этого, конечно, недостаточно. Нужно привлечь и других коллекционеров. Некоторые картины собираются передавать в дар музею зарубежные коллекционеры из своих собраний; русские художники, не сомневаюсь, подарят хотя бы по одной своей работе.

— Ваш личный дар безвозмезден?

— При одном условии: если я буду директором. Потому что жизнь отдал этому делу и собираюсь поработать над увеличением собрания. Планируем создать фонд возвращения картин в Россию. Сейчас очень много нашего на западных аукционах, и за всем этим надо следить. Проблема пока с помещением, но уже есть варианты. Я считаю, что надо строить новое здание, чтобы сразу по архитектуре было видно, что это Музей современного русского искусства.

— Почему вас интересует именно этот период — конец века?

— В свое время я руководил клубом при рабочем клубе «Дружба». Как-то у одного приятеля увидел картину Рабина, был потрясен. Познакомился с ним через знакомых, предложил сделать персональную выставку в «Дружбе», где я тогда работал. Это было в январе 1967 года. Рабин меня честно предупредил, что будут неприятности. Тогда сделали групповую выставку — ее закрыли. С тех пор я заинтересовался всем этим и стал покупать картины. У Рабина самая дорогая картина стоила 300 рублей — по тем временам деньги немалые. Но я очень прилично зарабатывал переводами.

Я, конечно, понимал, что скоро меня как-то накажут, и поэтому очень торопился собрать самое значительное.

— Удалось?

— Коллекция стала отдельным оком в борьбе с советской властью.

КОЧУЮЩАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Александр Глезер рассуждает о необходимости создания в Москве Музея современного русского искусства

программах. В музее в Джерси-Сити прошло более 50 персональных выставок молодых художников, многие из них были совместными — принимали участие и молодежь, и имеющие имя неофициалы. Борису Иванову, например, находиться в каталоге рядом с Михаилом Шемякиным — престижно, поднимает рейтинг.

— Все авторы, работы которых положили основу коллекции, по-прежнему активно участвуют в деятельности музея?

— Музейные картины находятся в музее, там и выставляются. Мои близкие друзья Владимир Немухин и Оскар Рабин почти всегда дают для показа свои новые работы, а другие — иногда.

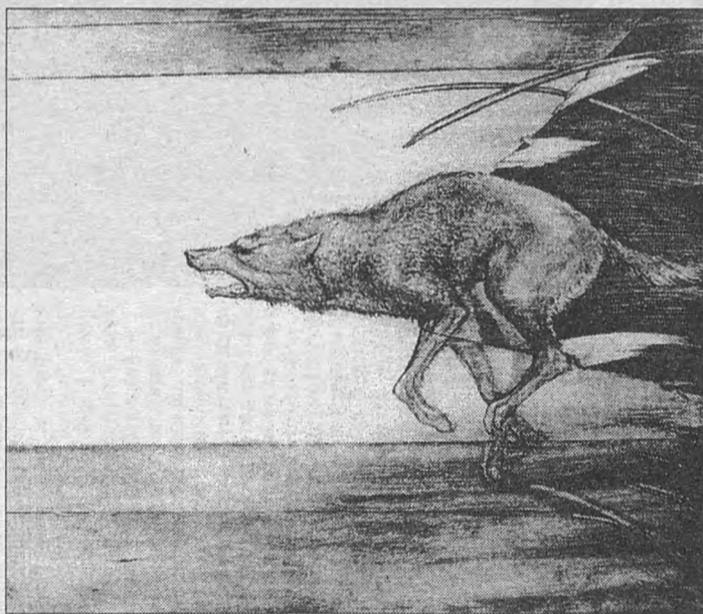
Я заметил, что раньше художникам больше нужна была моральная поддержка. Теперь молодым важна и материальная поддержка (не скажу, что в первую очередь), потому что они просто бедствуют. Только в Нью-Йорке художников зарегистрировано 300 тысяч, и поэтому очень жесткая конкуренция. Тем не менее за последние четыре года нам удалось найти общий язык с американскими галеристами и вывести нашу молодежь на арт-рынок. Свыше 200 наших работ приобретено в частных зарубежных собраниях.

— В каких жанрах работают сегодня молодые?

— Я придерживаюсь банального мнения — в каком бы жанре ни работал художник и какому бы направлению ни следовал, он должен иметь свое интересное лицо. Многие в искусстве сегодня занимаются синтезом.

С моей точки зрения, в XX веке все художники увлекались аналитикой. Отбрасывался то сюжет, то предмет — фигуративность, цвет и композиция. Они разлагали искусство на части.

Когда появился концепт, он заявил об отказе даже от живописной палитры. А теперь на

Игорь Тонконогий. Прорыв. 1999 г.

Нижний Новгород сегодня, пожалуй, особо активные точки. Но в последнее время подключился и Харьков. В рамках нашего проекта сегодня мы сотрудничаем с 14 харьковскими художниками. В феврале ежегодно у нас проходит показы «Незнакомая Россия», в этом году уже четвертый. Так вот сейчас мы представим аж 32 харьковчанина, которые только присоединяются к нашему музейному проекту. Из Запорожья тоже 12 человек. Есть художники и из Симферополя, Феодосии — таких русских украинских городов. А в марте мы традиционно делаем выставки «Женщины и Россия». Сейчас вообще женщин в живописи очень много, и все интересные, — в советские времена их было маловато.

— И в основном жены или подруги.

— Да, пожалуй. Только Лидия Мастеркова и Валентина Кро-

— и молодые, и маститые. А после вернисажа все отправились к Бубе — в ресторан «Приморский» на Брайтон-Бич. Кутили, танцевали, пели русские песни и романсы до глухой ночи. В те дни американские галереи также организовали русские выставки. Одна из них представляла живопись «От соцреализма до неофициального искусства».

Мы провели и пять литературных вечеров, главные — памяти Иосифа Бродского и Генриха Сапгира. Представили также и современную русскую прозу и поэзию. Так и получился месячник современной русской культуры.

— Есть ли в Москве официальная база вашего музея?

— Все время, что я живу в России, я говорю о необходимости такого музея. Но по-прежнему мы теряем наше национальное богатство. Ведь только в советское время на За-